

ЛАРИСА РЕЙСНЕР

Александр Широкоград

Превратности любви
богини революции

Любовные драмы

Александр Борисович Широкоград Лариса Рейснер. Превратности любви богини революции Серия «Любовные драмы (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74209861

*Лариса Рейснер. Превратности любви богини революции / Александр
Широкоград: Вече; Москва; 2026
ISBN 978-5-4484-5769-2*

Аннотация

Ларису Рейснер с полным правом можно назвать одной из самых ярких и талантливых женщин начала XX века. С детства её окружали знаменитые учёные, поэты и общественные деятели. К 17 годам она стала известной журналисткой и поэтессой-акмеисткой. Она была хорошо знакома почти со всеми поэтами Серебряного века. Роман Ларисы с Николаем Гумилёвым в жизни и стихах вызывал восхищение у современников.

С 1917 года Лариса оказывалась всегда в нужное время в нужном месте. Лев Троцкий вспоминал: «Ослепив многих, эта прекрасная молодая женщина пронеслась горячим метеором на фоне революции. С внешностью олимпийской богини она сочетала тонкий иронический ум и мужество воина... Пройдя невредимой через огонь и воду, эта Паллада революции внезапно

сгорела от тифа в спокойной обстановке Москвы, не достигнув тридцати лет». Её любили близкие, дальние, даже самые далёкие. В Москве, Берлине, Кабуле. О кончине её скорбели Раскольников, Радек, Троцкий, Бухарин, Киров и даже Мандельштам, Ахматова и Пастернак. А через два года после смерти могила её на Ваганьковском кладбище была утеряна.

Об этом и многом другом рассказывает книга Александра Широкограда.

Содержание

Вступление	7
Глава 1	13
Глава 2	28
Глава 3	51
Конец ознакомительного фрагмента.	83

**Александр Широкоград
Лариса Рейснер.
Превратности любви
богини революции**

 Любовные драмы

Серия «Любовные драмы»

Вступление

Феномен Ларисы Рейснер

Жизнь Ларисы Рейснер вполне можно считать хрестоматией жизни России 1910–1920-х гг. В 1930 г. в книге «Моя жизнь» Лев Троцкий написал о Ларисе: «Ослепив многих,

эта прекрасная женщина пронеслась горящим метеором на фоне революции. С внешностью олимпийской богини она сочетала тонкий критический ум и мужество воина».

И это писал второй вождь русской революции после Ленина и фактический создатель Красной Армии.

В городе Свияжске в 2016 г. был открыт музей Гражданской войны. В этом двухэтажном деревянном особняке летом 1918 г. находился штаб 5-й армии, и там жили Лев Давыдович и Лариса Михайловна. Там, в кабинете Троцкого, две восковые фигуры – председателя Реввоенсовета Республики и его секретаря Ларисы Рейснер. Это глубоко символично. Кстати, других памятников Ларисе, за исключением надгробного камня, не существует.

Особняк в Свияжске, где в 1918 г. находился штаб 5-й армии.

(Фото А. Широкограда)

Знаменитой Ларису Рейснер сделала революция. Кем бы были без революции лейтенант Наполине ди Буонапарте и фельдфебель Василий Чапаев?

Другой вопрос, что революция дала возможность Наполине сделать себя самого императором, а всесоюзную славу удачливому командиру 25-й дивизии принёс культовый фильм братьев Васильевых.

Увы, до сих пор никто не снял достойного фильма о Ларисе Рейснер. А ведь можно обойтись и без авторского вымысла. Вся её жизнь – самый интересный сериал с многочисленным сексом, жизнью богемы, войной, спецоперациями в Кабуле и Берлине.

*Восковые фигуры Льва Троцкого и Ларисы Рейснер.
(Фото А. Широкограда)*

В 1933 г. по пьесе Всеволода Вишневского был поставлен на сцене Камерного театра великолепный спектакль «Опти-

мистическая трагедия», который был позже экранизирован. Увы, спектакль и фильм не о Ларисе Рейснер, а по мотивам её жизни и участия в Гражданской войне.

Жизнь Ларисы Рейснер показывает нам историю изнутри. Именно это раньше не нравилось классикам соцреализма, а ныне – служивым продюсерам сериалов.

Ну и без революции и Гражданской войны Лариса стала достаточно известной писательницей и журналисткой. И в этом в первую очередь заслуга её семьи.

Глава 1

Семья Рейснеров

Родилась Лариса Рейснер в семье юриста, профессора права Михаила Андреевича Рейснера в городе Люблин, входившем тогда в составе Российской империи. Официальные документы указывают 1 мая 1895 г. как дату рождения Ларисы Михайловны Рейснер. В действительности Лариса родилась в ночь с первого на второе число, но предпочла указывать в дальнейшем своим днём рождения 1 мая. Во-первых, на этот день приходится большой праздник, отмечаемый в Германии – Вальпургиева ночь (с 30 апреля на 1 мая), а Лариса никогда не забывала о своих (остзейских) немецких корнях, во-вторых, 1 мая – это Международный день солидарности трудящихся.

Михаил Андреевич Рейснер с женой Екатериной Александровной и дочерью Ларисой. 1890-е годы

Самое раннее известие о роде Рейснеров относится к 1359 г., когда Карл IV подарил представителям рода два больших участка земли. Точно проследить родословную рода Рейснеров можно лишь с Михаэля Рейснера (1650–1715). Его внук пастор Михаэль фон Рейснер (1714–1784), праправнук Михаил Андреевич (Мартин Андреас фон Рейснер, 1718–1789) переселился в Россию.

Известно, что Мартин Андреас служил обер-пастором в

Риге и в 1768 г. получил дворянство и герб Священной Римской империи и был владельцем имения Адьямюнде близ Риги.

Михаил Андреевич Рейснер
(1868–1928)

Михаэль Иоганн Карл Георг Рейснер (1792–1863), которого при необходимости звали Георгием Ивановичем, был главным врачом больницы в Риге и почётным гражданином этого города. Его сын (отец М.А. Рейснера) Иоанн-Андрей (1840–1900, Рига) – коллежский советник, почётный гражданин Лифляндской губернии. Андрей Егорович, как его называли, окончил Дерптский университет, работал в Виленском и Люблинском акцизных управлениях. Любил искусство, имел хорошую библиотеку.

Как видим, все представители семейства Рейснеров имели приставку «фон» (von). Но как они получили баронство и как потеряли его, автору узнать не удалось.

Любопытно, что Лариса Рейснер, находясь на Волжской флотилии в 1919 г., начала писать автобиографический роман «Requiem» (ведь «она всё время на краю гибели», – сокрушалась её мать). И на титульном листе имя автора обозначено так: L vt, то есть Лариса фон (von) Рейснер.

Михаил Андреевич Рейснер родился 7 (19) марта 1868 г. в Вилейке Виленской губернии (ныне Минская область, Белоруссия).

В 1888 г. Михаил окончил 6-ю петербургскую гимназию и в 1892 г. со степенью кандидата права – юридический факультет Варшавского университета. В 1893–1896 гг. Рейснер

преподавал в Ново-Александрійском институте сельского хозяйства и лесоводства.

С 1 января 1897 г. Михаил Андреевич командирован в Германию для работы над своей научной темой «Отношения государства и Церкви», со стипендией 80 рублей в месяц. А в феврале Рейснеру предложили уволиться из Сельскохозяйственного института после студенческих волнений, которые преподаватель не склонен был осуждать. Стипендию ему, видимо, платило Министерство народного просвещения, имеющее статью расходов на поддержку молодых учёных.

Написанный в Германии трактат весьма интересен и актуален для 1893 г. «Исследуя понятие “государство”, Рейснер сосредоточился на его исторической многозначности. Так, у древних греков для обозначения государства пользовались названием “полис” или “город”, у римлян государство обозначали именем “civitas” (гражданство или городская община), “respublica” (публичное или общее дело), “imperium” (властвование) или “regnum” (царство). Все эти названия, отмечал он, характеризуют различные виды и формы государства, но не его сущность.

Наиболее близкое определение государства, как полагал Рейснер, связано с Италией, с появлением “citta” (город) и “república” (республика), “state”, заимствованное из латинского слова “status”, обозначающего состояние вообще, под которым подразумевалась организация государства. У поляков употреблялось понятие господство (панства), у болгар

– держава (држава), у русских – властвование или государство. Объединяя воедино представленные позиции, государство определяется как институт властвования.

<...>

Рейснер являлся одним из сторонников идеи народного суверенитета, основанного на демократических началах как основе властвования народа. Народ в понимании его – это источник власти, как указывает правовед “в демократии сам народ – власть”.

Рейснер связывал разработку и распространение понятия народного суверенитета с широким внедрением в практику государственных отношений представительных органов власти. Более того, по его мнению, благодаря этой идее стало возможным принципиально по другому посмотреть на природу государственной власти, поскольку было четко осознано, что “в государстве не только власть существует для народа, а сам народ становится государством; народное благо совершается не только для народа, а через народ <...> сам народ становится властью”.

Рейснер, так же как и большинство его современников, признаками государства считал государственную власть, население и территорию. Однако, рассуждая об их иерархии, однозначный приоритет отдавал верховной власти как “организационной идеи политического поведения людей”.

Факультативными признаками государства он считал: а) государственную идеологию, б) нормирующий характер,

в) компромиссность, определяя государство посредством “фантазмов” (идей) государственной власти»¹.

И.Л. Данилевская в статье «М.А. Рейснер о правовом государстве» писала:

«В дооктябрьскую эпоху критический взгляд М.А. Рейснера на общий характер русского правового государства был беспощаден: все элементы государства “совершенно задавлены и оттеснены в угол одной всепоглощающей силой – администрацией, которая объединена в могучих государственных центрах, стоит над судом и самоуправлением, вторгается в них и разъедает их при помощи мелкой и неразборчивой борьбы”.

Формулы русской юстиции и русского самоуправления он обозначил так: “суды и гарантированное ими право допустимы только до тех пор, пока они не касаются интересов всемогущего полицейского государства, самоуправление же только постольку, поскольку оно служит, а не распоряжается, исполняет, а не господствует, повинует, а не рассуждает...”.

Преобразование русского “полицейского государства” в правовое государство по западному типу ученый называл “невольным научным подлогом колоссальных размеров”, оценивая критически: “На стенах полицейского режима в России расписали яркими буквами: разделение властей, за-

¹ Квасова О.А. Учение М.А. Рейснера о верховной власти // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73). № 2. С. 47–50.

кономерность управления, публичные субъективные права, самоуправление, государственная служба и т. д...Весь этот правовой туман был выгоден для русского полицейского строя”, – заключал он. Рождающийся строй после падения абсолютизма, по его мнению, является “лишь копией европейского конституционного государства”»².

После окончания университета Михаил пошёл на военную службу вольноопределяющимся, поступил рядовым на артиллерийскую батарею. Но через несколько месяцев по болезни был признан полностью непригодным к военной службе.

² Данилевская И.Л. М.А. Рейснер о правовом государстве // Материалы сайта: <https://cyberleninka.ru/article/n/m-a-reysner-o-pravovom-gosudarstve/viewer>

Лариса с братом Игорем. 1899 г.

Летом 1892 г. Рейснер получил назначение в Люблинский окружной суд как кандидат на должность. В Люблине в 1893 году Михаил Рейснер женился на девятнадцатилетней дочери чиновника Александра Петровича Пахомова – Екатерине Александровне (к тому времени её отца уже не было в живых).

Позже Рейснер вспоминал: «Я женился очень рано на бедной девушке. Моё материальное положение в то время было чрезвычайно тяжело. И тысяча рублей годовичного содержания спасала меня и семью только от нужды и бедности».

Екатерина Александровна было потомственной дворянкой. По данным С.С. Шульца³, родословная Пахомовой имела отношение к роду Хитрово. Помимо того Пахомова являлась четвероюродной племянницей своему мужу, тем самым имея отношение и к древнему роду Храповицких. Известен тот факт, что в замужестве Екатерина Александровна пыталась восстановить баронство для своих детей Ларисы и Игоря. Однако поддержки со стороны родных мужа не получила.

В 1898 г. М.А. Рейснер назначается профессором Юридического факультета Томского университета. И это при его весьма «левых взглядах».

К этому времени Томск был уже крупным городом. В 1896 г. к городу протянули железную дорогу от Транссибирской магистрали.

«Михаил Андреевич служил профессором и секретарём на юридическом факультете, который помогал организовывать. В 1907–1910 годах на этом факультете учился Валерьян Куйбышев и вел революционную работу вместе с Кировым. Томск с 1880 года был местом ссылки, и политические ссыльные в 1901 году создали там Сибирский союз РСДРП.

За три года работы в Томском университете М.А. Рейснер издал ряд трудов об отношении государства и Церкви, о пра-

³ Сергей Сергеевич Шульц (старший) служил в 1919 г. на Камской флотилии и много слышал о Ларисе Рейснер. Только служил он в белой флотилии во 2-м дивизионе на бронепароходе «Ревель». После Гражданской войны заведовал кафедрой на Географическом факультете Ленинградского университета. Дружил со Львом Николаевичем Гумилёвым.

ве свободного вероисповедания, в которых разоблачал полицейский характер российского церковного законодательства. На опыте протестантизма Рейснер доказывал, что всякая религия является в зародыше организацией жесточайшего депотизма: пока она гонима, религия взывает к свободе, а когда у власти, то укрепляет веру «государственными» средствами – штрафами, тюрьмой. Мечтой молодого профессора было создание «Новой Философии Самодержавного Государства», философии просвещенного абсолютизма.

Летом 1899 года Михаил Андреевич уехал в командировку один и опять в Гейдельберг. Семья осталась в Томске, а точнее – в деревне Аксёновке. Сохранилось письмо на имя ректора Томского университета от Екатерины Александровны Рейснер, где она сообщала о появлении дифтерии среди деревенских детей и просила врачебную помощь. Этим годом помечена фотография Ларисы в клетчатом платье, она держит за руку сидящего младенца Игоря»⁴.

Годовая командировка М.А. Рейснера проходила в Берлине и Гейдельберге. Жизнь за границей в эти годы семилетняя Лариса уже хорошо запомнила и писала о ней в автобиографическом романе: «Четыре человека: два больших и два маленьких никогда не скучали. Каждый день был источником бесконечной радости, которая соединяла счастье зрелой любви, гордость труда, благословенного призванием, аскетическую чистоту и бредни детей, начинающих жить в

⁴ Пржиборовская Г.А. Лариса Рейснер. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 22–23.

полном солнечном свете, на высоте, где воздух чист и разряжен прикосновением творческих грез.

Возвращался ли Михаил Андреевич с ученого собрания или парламентской сессии, приносила ли Екатерина Александровна с базара в плетеной кошелке вместе с пучком укропа, хлебом и фруктами целую охапку роскошных мелочей, свежих и сочных, обрызганных каплями смеха – они раскладывали за обедом свои рассказы как редкие драгоценные находки – превращали их в пьесу, разыгранную вчетвером, в мистерию, в памфлет или диалог, смотря по тому, кто был действующим лицом в этот день: ректор старого гейдельбергского университета, горбатый своей мудростью, или цветущая липа в саду библиотеки, пахнувшая средневековым и медом...»

Ректор Томского университета А.И. Судаков добивался увольнения М.А. Рейснера, этого «заносчивого либерала, заигрывающего с анархически настроенными отдельными студентами».

Вот выдержка из автобиографии, которую М.А. Рейснер напишет для словаря «Гранат»: «Я боролся, стоя на почве самодержавия, и тем невольно углублял пропасть между идеальными сторонами просвещенного деспотизма и фактическими извращениями». В «Сибирском вестнике» он писал: «Можно пожелать только, чтобы светлые идеалы гуманности и правды надолго остались в памяти томичей». Кроме политической конфронтации между ректором и беспокой-

ным профессором была и научная. Михаил Андреевич считал, что Германия, точнее Пруссия, будет объединять Европу, а ректор был славянофилом.

Самое забавное, что Судаков был поповичем, окончил духовную семинарию в Твери, а затем учился в Петербургском медико-хирургическом институте. Писал статьи о санитарном деле и борьбе с холерой. И вдруг стал большим специалистом по Балканскому вопросу.

Ну, как не вспомнить уездного доктора Тютюева из «Шведской спички», написанной ещё в 1882 г.: «Ах, сербы опять взбудоражились! Что им нужно, не понимаю? Ах, Австрия, Австрия! Твои это дела».

В марте 1903 г. Михаил Андреевич вынужден был поехать в Петербург в Министерстве народного просвещения, куда послали свои доносы на Рейснера ректор университета и томский губернатор князь С.А. Вяземский.

В Министерстве внутренних дел сохранилась объяснительная записка Рейснера: «Неужели же политика до такой степени поглотила все области научной мысли, что нет уже в громадном организме России места скромному учёному, который только стремится к истине и к правде и не желает принимать места в активной политической борьбе, так как чувствует себя к ней совершенно неспособным?»

После длительного объяснения с директором Департамента государственной полиции Рейснер был 1 апреля 1903 г. уволен с должности и лишён права преподавания в

России.

В конце 1903 г. Рейснер с семьёй был вынужден эмигрировать в Германию. Перед отъездом Михаил Андреевич получил приглашение Н.К. Михайловского сотрудничать с журналом «Русское богатство», редактором которого был В.Г. Короленко. Статьи о жизни в Германии М. Рейснер подписывал чаще всего псевдонимом «М. Реус».

Глава 2

Кёнигсбергский процесс

Поворотным пунктом эволюции политических взглядов профессора М.Л. Рейснера стал Кёнигсбергский процесс. Он оказал влияние и на дальнейшую судьбу Ларисы.

Май 1904 г. Берлин. Семья Рейснеров уже полгода как находится в критическом материальном положении. Статьи в «Русском богатстве» задерживались цензурой. Болела Екатерина Александровна, даже была при смерти. Лариса пошла в школу, надо было платить за обучение. Жили они в Целендорфе – рабочем районе, одном из 20 районов города с населением в начале XX века почти три миллиона жителей. Школьная плата здесь меньше, чем в других районах, но денег всё равно не хватало. Михаил Андреевич в письмах в Россию жаловался: «Остался без гроша, моё положение довольно-таки критическое...»

В те же годы Германия в силу близости с Россией стала прибежищем многих революционеров.

В 1900 г. Владимир Ильич Ленин приехал в Нюрнберг, а оттуда в Мюнхен. Там с весны 1901 г. поселилась и Надежда Константиновна Крупская, ставшая секретарём ленинской газеты «Искра». С сентября 1900 г. по май 1902 г. газета печаталась в Германии (сначала в Лейпциге, потом в Мюнхе-

не). Большую помощь в её издании оказывали германские социалисты.

В Штутгарте была напечатана книга В.И. Ленина «Что делать?», заложившая идеологические основы большевистской партии. В Германии и в Швейцарии печаталась русская популярная социал-демократическая литература, переправлявшаяся затем в Россию.

После того как было налажено издание газеты, одной из важнейших организационно-технических задач стала транспортировка её в Россию. В письмах к П.Н. Лепешинскому и П.А. Красикову от 1 июня 1901 г. Ленин указывал: «Вообще весь гвоздь нашего дела теперь – перевозка, перевозка и перевозка. Кто хочет нам помочь, пусть всецело наляжет на это».

В этом важном деле издания и переброски в Россию революционной литературы на помощь русским социал-демократам пришли германские социал-демократы. Важную роль в этом играл Карл Либкнехт. Он оказывал поддержку русским революционерам, содействовал пересылке в Россию нелегальной литературы, нелегальной переписке русских революционеров и т. д.

Ленин указывая, что «хороший конспиративный аппарат требует хорошей профессиональной подготовки революционеров и последовательнейшим образом проведенного разделения труда...». В соответствии с этим ленинским указанием искровцы создали разветвлённый аппарат для нелегаль-

ной транспортировки революционной литературы в Россию. Отдельные его звенья развернули свою работу на территории Германии. В Берлине, Кёнигсберге и других городах были созданы склады литературы. Во всех этих пунктах нелегально проживали русские революционеры, выполнявшие по заданию партии роль связных и организовавшие перевозку нелегальной литературы (П.П. Смидович, П.А. Красиков и другие).

Германская полиция выслеживала русских революционеров и стремилась пресечь их деятельность. Когда в 1903 г. П.А. Красиков по поручению большевистского центра готовился поехать в Россию с документами II съезда партии и инструкциями местным партийным организациям, берлинская полиция арестовала его, и он был осуждён за проживание по чужому (болгарскому) паспорту.

По отбытии наказания Красикову угрожала выдача царским жандармам. Карл Либкнехт, адвокат по профессии, посещал Красикова в тюрьме и выступил его защитником на судебном процессе. Когда был вынесен приговор, Либкнехт в ожидании решения по кассационной жалобе внёс тысячу марок залога, взял Красикова на поруки и направил его в Штутгарт. Здесь заботу о нём приняла на себя Клара Цеткин.

Рядовые немецкие рабочие, представители левого течения социал-демократической партии, принимали активное участие в освобождении Красикова. В Берлине при редакции центрального органа газеты «Vorwärts» и у доверен-

ных лиц социал-демократической партии были организованы склады нелегальной русской литературы. Такие склады имелись у социал-демократов: в Шарлоттенбурге у Эренпфорта, в Мемеле у Трептау, в Кёнигсберге у Новагородского, в Тильзите у Мертинса и в некоторых других местах. Складом при редакции «Vorwarts» ведал экспедитор книготорговли «Vorwarts» социал-демократ Петцель, который, по-видимому, был непосредственным организатором транспортировки литературы.

Переброска литературы через границу была сопряжена с большими трудностями. Иногда полицейской агентуре удалось узнавать намеченное время и место переброски и задерживать литературу. Так, в декабре 1900 г. первый транспорт искровских изданий на русском и латышском языках (12 тюков) был задержан на границе Курляндской губернии и конфискован. Как видно из жандармского донесения, в тюках были экземпляры «Искры», популярные брошюры «Объяснения о штрафах», «Что нужно знать и помнить каждому рабочему» и другие брошюры и листовки революционного характера.

Одним из важных пунктов переброски революционной литературы в Россию был в этот период Кёнигсберг, расположенный недалеко от границы. Организацией переброски литературы занималась местная организация социал-демократической партии. Связным между Берлином и Кёнигсбергом был берлинский социал-демократ, столяр Эренпфорт,

в квартире которого находился один из складов нелегальной русской литературы. В Кёнигсберге была создана группа из трёх членов партии, осуществлявшая приём, хранение и дальнейшую переброску литературы.

Руководителем группы был старый социал-демократ Но-вагородский, по профессии парикмахер, отсидевший в тюрьме за распространение в Германии революционных прокламаций ещё в 1881 г., во время действия исключительного закона против социалистов. В состав группы входили проживавший в Тильзите сапожник Мертинс и кассир Браун. Группа была в свою очередь связана с двумя социал-демократами, жившими в пограничной полосе, Трептау и Клейном. Последние с помощью местных жителей, ремесленников Кегста и Кугеля, занимавшихся контрабандой, переправляли литературу через границу.

Из материалов судебного следствия нельзя установить, когда возникла эта группа и сколько литературы ей удалось переправить за границу. Не подлежит сомнению, однако, что количество этой литературы было весьма значительно. Впоследствии на суде в качестве «вещественных доказательств» фигурировали тысячи конфискованных экземпляров брошюр, прокламаций и книг.

Какую же именно литературу транспортировали в Россию кёнигсбергские социал-демократы? Из материалов суда видно, что среди конфискованной литературы находились различные номера «Искры», работа Энгельса «Революция

и контрреволюция в Германии», брошюра Плеханова «Русский рабочий в революционном движении», брошюры Дейча «В Сибирь и обратно», Дикштейна «Кто чем живет», искровские брошюры «Царь-голод», «Женщина-работница», «Из жизни солдата», № 1 журнала «Заря» и другие издания. Кстати, той же системой по переброске литературы в Россию пользовались меньшевики и эсеры. Поэтому среди конфискованной литературы оказались также издания меньшевистские и эсеровские. Однако наибольшую активность и размах в деле издания и переброски в Россию революционной литературы, несмотря на крайний недостаток денежных средств, проявляли большевики.

Однако в Германии действовали не только русские социалисты, но и царская охранка. Во главе большой шпионской сети в Германии стоял действительный статский советник Аркадий Михайлович Гартинг. Настоящее его имя Арон Мордухович Геккельман. Он родился 20 октября 1861 г. в местечке Каролин Пинского уезда Минской губернии в семье купца 2-й гильдии. После окончания экстерном гимназии в Твери в августе 1882 г. поступает на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, но уже менее чем через месяц, в сентябре, уходит из университета и переезжает в Варшаву, но вскоре возвращается в Северную столицу.

В 1882 г. Арон Геккельман вступает в кружок народовольцев. В следующем году он был арестован полицией и стал её

агентом.

В 1884 г. Геккельман под фамилией Ландезен уезжает в Швейцарию, где ведёт агентурную работу. Внедрившись в ряды революционеров, он даёт им деньги для организации динамической мастерской для покушения на Александра III в ходе его визита во Францию.

Далее Ландезен доносит о подготовке теракта в полицию, а сам бежит из Парижа. Парижские судьи заочно приговаривают его к пяти годам тюрьмы.

В 1892 г. агент Ландезен переходит в православие и становится Аркадием Михайловичем Гартингом.

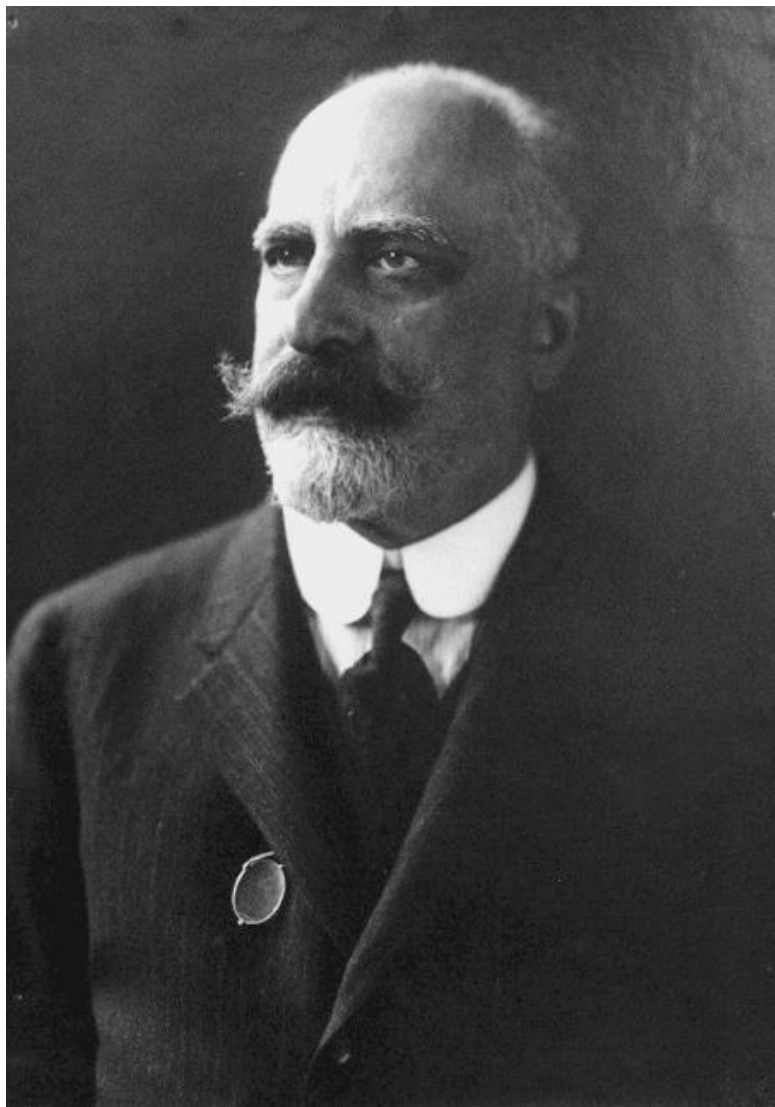
В 1900 г. его производят в действительные статские советники (для армии генерал-майор) и назначают начальником берлинского бюро охраны.

В Германии Гартинг числится простым инженером. При этом годовое жалованье составляло 36 тысяч марок, то есть было равно окладу прусского министра. Подчинённые почтительно величали его «превосходительством».

С согласия германского правительства в начале 1900-х гг. в Берлине, Лейпциге, Кёнигсберге, Штутгарте, Мюнхене, Мемеле, Дармштадте и других городах Германии была размещена целая сеть русских полицейских агентов, пользовавшихся активной помощью германской полиции. В качестве агентов были завербованы и немецкие подданные.

Эти агенты установили строгое наблюдение за «подозрительными» русскими, проживавшими в Германии, а также за

немцами, с которыми русские встречались. Шпики проникали в комнаты русских революционеров, рылись в их вещах, сообщали сведения о том, какие они читают книги и газеты, откуда получают письма, куда сами направляют корреспонденцию.

Одним из распространённых приёмов слежки было тайное вскрытие квартирных почтовых ящиков и просмотр корреспонденции, а также подкуп или давление на почтовых служащих с той же целью. Имели место подлоги и провокации, которые позволяли подводить русских под категорию «нежелательных иностранцев», высылаемых из страны. О значении услуг, которые оказывала германская полиция русской, свидетельствует признание царского министра внутренних дел Плеве: «...без помощи германской полиции было бы невозможно подавлять революционное движение»⁵.

Шпионить за русскими эмигрантами Гартингу помогал русский консул в Кёнигсберге Артемий Маркович Выводцев, кстати, тоже еврей. Дед по папе – бессарабский почётный гражданин Эля Мордкович Выводцев, мать – Эмилия Барах-Раппапорт.

Выводцев был «слугой трёх господ», причём в буквальном смысле – по жандармской линии он подчинялся Гартингу, по шпионской – 7-му отделению Главного штаба, а по официально дипломатической линии – министру иностранных дел.

Карьера Артемия проходила исключительно в стратегических пунктах планеты, наиболее интересовавших Главный

⁵ См. *E. Eyck. Das personliche Regiment Wilhelms II. Politische Geschichte des deutschen Kaiserreiches von 1890 bis 1914. Erlenbach – Zurich. 1948, S. 363.*

Штаб России. Так, с 1890 г. он – консул в Сингапуре, с 1895 г. – в Триесте, а 26 июля 1897 г. назначен консулом в Кёнигсберг и одновременно получил чин статского советника (в армии промежуточный чин между полковником и генерал-майором, в петровской армии – бригадир).

В начале октября 1903 г. консул в Кёнигсберге Выводцев донёс берлинскому резиденту Гартингу, что на имя социал-демократа Новагородского поступают из Швейцарии тюки с литературой на русском и латышском языках.

По просьбе консула германская полиция изъяла на таможне 19 образцов брошюр и доставила ему для ознакомления. Полиция обещала консулу следить за русскими, посещающими Новагородского. Посол России в Берлине Остен-Сакен и все русские консулы получили указание усилить наблюдение за деятельностью русских революционеров в Германии.

В сентябре 1903 г. русский посол тайный советник граф Остен-Сакен обратился к германскому министру иностранных дел Рихтгофену с просьбой начать подготовку судебного процесса против Новагородского и его товарищей, что было ему охотно обещано.

Готовя Кёнигсбергский процесс, германские и русские власти рассчитывали применить договор «относительно выдачи преступников», заключённый Россией и Пруссией ещё при Бисмарке в начале 1885 г.⁶

⁶ Согласно этому договору, правительства России и Пруссии обязались выдавать друг другу своих подданных, обвинявшихся в совершении убийства или в

Кроме того, в германском уголовном кодексе нашлись две статьи, соответствовавшие реакционным целям германского и русского правительств.

Статья 102 гласила, что германский подданный или находящийся в Германии иностранец, который совершит государственное преступление или будет призывать к совершению такового в отношении иностранной державы, дружественной Германии, карается заключением в крепость.

Статья 103 предусматривала заключение в крепость или тюрьму виновных в оскорблении иностранного государства или государя. В обеих статьях оговаривалась их применимость в отношении преступления, совершенного только против тех государств, в которых существует аналогичное законодательство, охраняющее интересы германской империи. Условием возбуждения судебного преследования по этим делам ставилось требование соответствующего иностранного правительства. Обе статьи и были пущены в ход.

Прусское министерство юстиции обратилось к русскому правительству с предложением официально возбудить преследование против девяти прусских подданных, активно содействовавших транспортировке нелегальной литературы. Это и было сделано русским послом в Берлине Остен-Сакеном. Требовалось далее, чтобы в законодательстве Рос-

покушении на царя или прусского короля, либо на членов их семейств, а также в насильственных действиях и «оскорблениях», нанесённых этим лицам (Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами / Сост. Ф.Ф. Мартене. Т. 8. СПб., 1888. С. 693–695).

сийской империи существовали аналогичные статьи и чтобы прусский суд действовал, таким образом, на началах «взаимности».

В русском законодательстве таких статей не было. Таким образом, возбуждение судебного процесса даже с точки зрения действовавшего тогда в России и в Германии законодательства представляло собой вопиющее беззаконие. Но это обстоятельство не могло остановить правительства обеих империй в их стремлении любыми средствами нанести удар рабочему движению в России и Германии.

Фабрикация «материалов» обвинения была поручена русскому консулу в Кёнигсберге Выводцеву. Прусские власти предоставили в его распоряжение для «перевода на немецкий язык» некоторые брошюры, конфискованные у социал-демократа Новагородского. При «переводе» Выводцев выдёргивал отдельные фразы, искусственно соединял их с выдержками из террористических брошюр эсеров Бурцева и Надеждина и революционных песен. Получилось очень острое блюдо «кровожадного содержания», как определили его в прусской полиции. Фальсифицированный перевод был заверен подписью и приложением казённой печати и передан германским властям. Он-то и был положен в основу обвинительного заключения на кенигсбергском процессе.

DR. SCHLÖSSER & FRIEDR. WILHELM

Кёнигсбергский замок и памятник немецкому императору Вильгельму I в Кёнигсберге (Пройссен). Между 1894 и 1900 гг.

В ноябре 1903 г. в Кёнигсберге, Берлине, Мемеле и других городах Германии были произведены аресты немецких социал-демократов. Вначале им было предъявлено обвинение в организации тайного союза, а затем в государственном преступлении против России и в оскорблении царя. 12 июля 1904 г., после семимесячного тюремного заключения, арестованные предстали перед судом. На скамью подсудимых были посажены рядовые немецкие социал-демократы: экспедитор газеты «Vorwärts» Петцель, столяр из Берлина Эренпфорт, парикмахер Новагородский, кассир из Кёнигсберга Браун, сапожник Мертинс из Тильзита, рабочие Трептау и Клейн из пограничной полосы Восточной Пруссии, а также два контрабандиста – Кегст и Кугель.

В ответ на репрессии германская Социал-демократическая партия развернула широкую политическую кампанию против судебного произвола и политических провокаций. 19 января 1904 г. социал-демократическая фракция рейхстага внесла интерпелляцию по поводу действий русских полицейских агентов в Германии.

С трибуны рейхстага Август Бебель убедительно доказал, что проживающие в Германии русские, преимущественно студенты, приехавшие получить высшее образование, от-

нюдь не являются анархистами, как это пытается представить правительство и реакционная печать. Высылка из Германии так называемых «нежелательных иностранцев» на русскую границу, по существу, является умышленной выдачей русских их палачам «для ужасной гибели, без судебного разбирательства, в рудниках Сибири или в темницах Петропавловской крепости».

«Ни одно правительство в мире, – заявил Бебель, – не соглашается оказывать России такие любезные услуги... Германское правительство и германская империя вполне готовы стать чистильщиками сапог у батюшки царя».

Отвечая на интерпелляцию, министр иностранных дел Рихтгофен признал, что одному чиновнику в русском посольстве поручено его правительством следить за действиями русских анархистов, находящихся в Германии, и уведомлять об этих действиях русское правительство. Рихтгофен добавил, что правительство не собирается выступать против деятельности царских агентов в Германии.

Отвечая на вопрос о том, почему в Кёнигсберге начато дело по обвинению в государственном преступлении против Российской империи, прежде чем само русское правительство предъявило соответствующее требование, Рихтгофен заявил: «Мы никоим образом не намерены оказывать содействие революционным подданным дружественного и соседнего государства... Не только в интересах России, но и в общих интересах всех цивилизованных государств – бороть-

ся с анархическими происками... Наша обязанность содействовать с особенным старанием... самому тесному соприкосновению полицейских учреждений различных соседних государств».

10 марта 1904 г. в Бреслау, в «Доме профсоюзов», на большом народном собрании выступила Клара Цеткин с речью, направленной как против царского режима, так и против помощи, оказываемой ему германским реакционным правительством.

В связи с Кёнигсбергским процессом правительство подверглось энергичным нападкам печати. Стремясь нейтрализовать впечатление, произведенное на общественное мнение страны выступлениями рабочих организаций, правительство решило провести предварительное обсуждение вопроса о кёнигсбергском процессе в прусском ландтаге, где в то время не было представителей рабочей партии. Представители правительства пытались изобразить кёнигсбергскую организацию социал-демократов «очагом анархизма», а организаторов переброски литературы, германских и русских социал-демократов, – «бандой цареубийц и уголовных преступников», действующих на германской территории.

Однако правительству не удалось избежать новых дебатов о кёнигсбергском деле в рейхстаге. Они состоялись 27 и 29 февраля 1904 г. при обсуждении бюджета. Причину нервозности правящих кругов выдал прусский министр юстиции Шенштедт, заявивший, что успешное распространение

революционной литературы в России усилило бы в ней революционное движение, что немедленно оказало бы влияние на Пруссию и Германию. «И поэтому я говорю: “*Tua res aigitur*” (“Дело касается тебя”. — *А.Ш.*)».

Бebelь в большой и обстоятельной речи вновь разоблачил политику прусско-германских властей. «Не исключено, — заявил Бебель, — что в литературу, посланную из Женевы на имя Новагородского, полицейские шпики специально подбросили террористические издания».

Канцлер Бюлов, несмотря на свою болезнь, срочно приехал в рейхстаг, чтобы ответить вождю социал-демократической партии. Речь Бюлова носила наступательный характер. Все правительства, говорил он, обязаны поддерживать друг друга в борьбе «против анархизма». Обвиняя социал-демократическую партию в том, что она «поднимает шум по поводу событий в Кёнигсберге», Бюлов открыто заявил, что считает обязанностью германского правительства всемерно помочь русскому царизму.

После выступления канцлера в рейхстаге и соответствующей кампании в официозной печати правительство считало процесс в Кёнигсберге достаточно подготовленным. 12 июля 1904 г. в Кёнигсберге в старинном здании прусского королевского суда при большом стечении публики открылся процесс, в течение двух недель приковывавший к себе внимание европейской общественности. Политический характер процесса был ясен с первых же дней, и именно это определило

всеобщий интерес к нему.

Перед судейским столом лежали тюки конфискованной литературы, частью затянутые в холст, частью обёрнутые бумагой и туго стянутые верёвками. Они заключали в себе тысячи газетных листов, брошюр, прокламаций и книг, призывающих трудящихся России к борьбе за своё освобождение и свержение царского режима.

«Трудно себе представить что-либо возмутительней обстановки, в которой создавался и протекал процесс, – писала “Искра”, – и действий обоих правительств, его инсценировавших. За все время предварительного следствия обвиняемым и их адвокатам, несмотря на настойчивые требования, не только не сообщено было содержание инкриминируемых брошюр, но даже не названы заголовки. Отобранные послышки были перепутаны полицией и следователями так, что на суде невозможно было даже установить, что у кого было взято. Обвинительный акт на 200 писанных листах был вручён адвокатам только за пять дней до разбирательства дела. Прокуратура не попыталась даже исследовать юридические основы обвинения и проверить сообщенные ей русскими дипломатическими чиновниками данные, на которых это обвинение было построено».

Карл Либкнехт

Доктор юридических наук Карл Либкнехт, защитник одного из обвиняемых – Эренпфорта, разоблачил юридическую несостоятельность всего процесса, подлог и фальсификацию документов и действительную политическую подоплеку процесса.

Обстоятельные ответы вызванных по требованию Либкнехта свидетелей и экспертов – бывшего профессора Томского университета Михаила Рейснера и немецкого социал-демократа В. Бухгольца спутали карты устроителям процесса.

Михаил Рейснер заявил «высокому суду»: статей закона, охраняющих правопорядок Германской империи на территории Российской империи, в русском праве не существует! Они просто сочинены лицом, передавшим суду эти материалы. Это известие произвело эффект разорвавшейся в зале бомбы.

Далее по просьбе адвоката эксперту пришлось объяснить суду, что и перевод «цареубийственных» брошюр сделан, мягко говоря, тенденциозно: либо для него выбирались фразы, опровергаемые остальным текстом, либо – переведенные фразы просто сочинялись переводчиком.

Выводцев ответил, что переводил второпях и теперь не может найти указанные цитаты. Особенно сильное впечатление произвели на суд произведения народовольцев – «чудовищных цареубийц», которые, оказывается, желали «скромнейшей конституции с достаточными гарантиями» и хоть «плохонького народного представительства, но имеющего право на самоулучшение путём агитации», то есть всего того, что уже полвека в Германии считалось нормой жизни. С этого момента адвокат Карл Либкнехт с экспертом Михаилом Рейснером уверенно повели суд за собой.

«Господин эксперт, объясните суду положение чиновников в России», – говорил Либкнехт.

Рейснер напомнил про знаменитый пункт, по которому русских чиновников увольняли со службы без объяснения причин, по одному желанию начальства. Судьи не верили:

как же таким бесправным людям можно поручать управление государственными делами?

«Существует ли в России возможность произвести хотя бы ничтожные реформы легальным путем?» – спросил адвокат.

«В России нет даже права петиций. Такое право предоставлено дворянским собраниям, но и им запрещено касаться общегосударственных дел» – был ответ.

Большое впечатление на судей и процесс произвела личность Михаила Рейснера. Он был не революционером, а благочинным профессором, да ещё и этническим немцем.

Усилиями защиты, и прежде всего Либкнехта и Рейснера, процесс был выигран. Суд вынужден был оправдать всех подсудимых, признав обвинение в «преступлении против дружественной державы» недоказанным. Лишь для проформы пятеро обвиняемых из девяти были приговорены к непродолжительному заключению за доказанную якобы принадлежность к «тайному сообществу».

Опасаясь гнева начальства, Выводцев писал первому секретарю посольства Крупенскому 30 ноября 1904 г.: «Меня жестоко подвела полиция, уверившая меня, что мои справки послужат лишь руководящей нитью для дальнейших преследований (немецких социал-демократов и русских революционеров. – А.Ш.). Он просил Крупенского известить его, Выводцева, «предполагает ли его сиятельство (то есть граф Остен Сакен) вновь писать об этом в министерство и

очень ли он негодует за то, что я нехотя попался в этот перекрёстный огонь».

Среди других социал-демократов Рейснера посетил Вацлав Воровский, выполнявший поручение Ленина узнать об отношении германских социал-демократов к ситуации в России. Воровский подробно описал беседу с Рейснером в письме к Ленину. Вацлав отметил наивность Рейснера в оценке фактов и событий. А с другой стороны, «он не любит меньшевиков... Может быть нам полезен и ценен».

После Кёнигсбергского процесса Михаил Рейснер быстро переходил, как писал в автобиографии, от «возмущённого либерализма к боевому решительному марксизму». Из его письма: «Я за границей стал каким-то присяжным экспертом по русским делам, участвовал в немецких публичных собраниях, читал доклады на немецком языке в Берлинском университете, в Вене».

Глава 3

Юность Ларисы

После Кёнигсбергского процесса Рейснеры подружились с Либкнехтами и с Бебелями. Тетушка Бебель потчевала Ларису сладкими пирогами. Стали иногда приходить письма от Ленина с благодарностью за «чрезвычайно ценное ваше сообщение... с надеждой на наше свидание с вами здесь. С пожеланиями успеха в борьбе».

Стали появляться связные из России. Одного из них, Вацлава Воровского, Лариса узнает в дни революции.

В начале 1904 г. против Михаила Рейснера в газете «Новое время» резко выступил Пётр Столыпин. Благо в редакции работал его родной брат Александр Столыпин.

В марте 1904 г. Екатерина Александровна Рейснер писала к Иванчину-Писареву в журнал «Русское богатство»: «Михаил Андреевич жадно следит за событиями в России, жаждет возвращения туда. “Я возвращусь в Россию для более основательного знакомства с российскими архангелами, а семью приютят тогда томские друзья”». Либеральные веяния вызывают у него насмешку: «Суворинская весна идёт. Всё жду, что меня сам Святополк пригласит на место столоначальника в департаменте Петра Накатникова или Иудушки Головлёва».

Имелся в виду князь Пётр Дмитриевич Святополк-Мирский – министр внутренних дел с 26 августа 1904 г. по 10 января 1905 г.

Лариса Рейснер описала эмигрантскую жизнь в автобиографическом романе «Рудин». Вот, к примеру, визит к Рейснерам художника-карикатуриста для работы в журнале «Рудин»:

«Топиков с любопытством:

– Скажите, зачем вы сделали такой важный стол. Он к вам

обоим не подходит – такой чванный монумент. Зелёный глупый стол, нет? Вы не находите?

Мама заволновалась:

– Что вы, Топиков! Он деревянный, некрашенный, с сухими скрипучими ногами. Мой бедный важный стол.

Она подняла край бархатной скатерти, спускавшейся до самого пола самоуверенными складками, и стали видны козлиные, белые, скрещенные ноги великана, между которыми жались кипы старых книг, детские игрушки и ёлочные украшения.

– Раз вы теперь знаете секрет учёного стола, давайте я вам расскажу историю этой зелёной бархатной скатерти.

Все лицо Елизаветы Алексеевны смеялось, отчего исчезли страшные следы кухни, прачечной лоханки и чёрной лестницы с котами, нанесённые на её тонкую и сухую кожу, точно графитом на благородный пергамент.

– Этот наглый зелёный бархат я купила за границей, когда Мише вдруг стали платить настоящими деньгами за его сумасшедшие писания и речи: у человечества иногда бывают свои странности. Так вот: чувствуя в кармане свои гроши и в душе нечто от прародительницы обезьяны, я носилась по огромному магазину, подыскивая для кабинета нечто могущее внушить уважение репортёрам, приходившим в большом числе. Эти лихоимцы любят для своего вранья обстановку декоративную и устойчивую. Скатерть и сделалась взяткой их размашистому вкусу. Потом... потом газетчики

перестали ходить на нашу Фазанекштрассе, швейцар получил от специального бюро полицейпрезидиума подробные инструкции относительно наблюдения, мы в тайне заложили ложки, а Михаил Николаевич сел писать новую книгу, которая, увы, и поныне не закончена...»

9 января 1905 г. войска из магазинных винтовок расстреляли мирную демонстрацию рабочих, шедших с петицией к Зимнему дворцу. Замечу, что Николай II за всё своё царствование ни одной ночи не провёл в Зимнем, а лишь раз 30 за 22 года заезжал туда на несколько часов. Но над Зимним гордо реял царский штандарт. Ни рабочие, ни стрелявшие в них солдаты и не догадывались, что дворец пустой.

По всей России начался сбор средств для помощи пострадавшим 9 января. В феврале Михаил Андреевич Рейснер тоже послал 165 рублей для помощи пострадавшим 9 января на улицах Петербурга на имя писателя Короленко в редакцию «Русского богатства».

В 1905 году Ларисе десять лет, но она уже многое понимала. Из автобиографического романа «Рудин»: «Двое детей, рождённых со смертельной опасностью, были выкормлены лёгким и разрушительным гением анализа, царившего в семье. Они знали жизнь в десять лет, умели оценивать без ошибки все отчаянные схватки и наводнения, бросавшие их шаткое гнездо с места на место. Они привыкли видеть отца и мать в позе вечной обороны, в постоянном одиночестве, вызванном непримиримостью критериев, приложенных к жиз-

ни».

Всю империю охватила революция. Восстания не имели единого руководства. Восстания происходили асинхронно.

В октябре 1905 г. началась всероссийская стачка. Николай II спрятался в Нижней даче в Петергофе. Вообще-то сия дача представляла большой каменный трёхэтажный дворец. Главным его преимуществом была близость к воде – до бетонного причала было около 50 метров. Сам фотографировал, пока Нижняя дача не стала закрытой территорией.

Нижняя дача Николая II на берегу Финского залива

А у пирса в октябре 1905 г. несколько недель стояли два

германских миноносца. Якобы они привозили почту. У Толбухина маяка стояла германская эскадра. Для связи с ней в Нижнем парке Петергофа развернули мощную радиостанцию. На «имя царских детей» в германские банки переведены огромные суммы, но с тем, чтобы их могли снимать и родители.

Вот в такой обстановке Николай II осчастливил подданных Манифестом:

«Божиею милостию,
Мы, Николай Второй,
Император и Самодержец
Всероссийский,
Царь Польский, Великий Князь Финляндский
и прочая, и прочая, и прочая.

Смуты и волнения в столицах и во многих местностях Империи Нашей великой и тяжелой скорбью преисполняют сердце Наше. Благо Российского Государя неразрывно с благом народным и печаль народная Его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единству державы Нашей.

<...>

На обязанность Правительства возлагаем Мы выполнение непреклонной Нашей воли:

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за сим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку, и

3. Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от Нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиною, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с Нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле.

Дан в Петергофе в 17-й день Октября в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот пятое, Царствования же Нашего одиннадцатое».

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

«Николай».

Манифест был бестолков, реальных прав и свобод население не получило, помещичье землевладение осталось в неприкосновенности, многомиллионное дотирование помещиков государством – тоже. Россия по-прежнему оставалась

сословной самодержавной монархией.

Начиналось вооружённое восстание в Москве. Михаил Рейснер приехал в Нарву. Там он участвовал в образовании Нарвского комитета РСДРП, таким образом вступив в партию большевиков.

Под именем Иванова, сотрудника газеты «Эду», Рейснер приехал на Таммерфорскую конференцию РСДРП в качестве делегата от нарвской парторганизации. Таммерфорс или Тампере – второй после Хельсинки город, озерный порт на юго-западе Финляндии. Большевики называли Финляндию «красным тылом революции».

Всего на конференцию прибыл 41 делегат от 26 партийных организаций, из них 14 рабочих.

На Таммерфорской конференции 35-летний Владимир Ленин впервые встретился с 27-летним Иосифом Джугашвили. Лишь 12 января 1913 г. Джугашвили впервые подпишет псевдонимом «Сталин» в статье в газете «Социал-демократ».

Конференция высказалась за немедленное и единовременное слияние партийных центров большевиков и меньшевиков на началах равенства и за бойкот Государственной думы. По воспоминаниям Н.К. Крупской, в перерывах между заседаниями делегаты упражнялись в стрельбе из винтовок и револьверов.

22 декабря 1905 г. М.А. Рейснер был задержан во время нелегального собрания в квартире бывшего студента Ф.Н.

Фальковского. Вскоре его отпустили. В 1906 г. Михаил Андреевич работал в комитете помощи прибалтийским беженцам-революционерам. Его уголовное дело закрыли по амнистии 1907 г. «за неимением улик».

Статьи Михаила Рейснера печатались в нелегальной газете «Пролетарий», издаваемой с августа 1906 г. по ноябрь 1909 г. последовательно в Выборге, Женеве и Париже. Главным редактором газеты был Ленин. Тиражи отдельных номеров достигали 10 тысяч экземпляров!

«Пока глава семьи занимался революцией, его жена и дети оставались в Париже, куда Михаила Андреевича пригласил Максим Максимович Ковалевский (1851–1916) для работы в своей школе. Юрист, социолог, историк, он жил за границей, после того как его отстранили от преподавания в Московском университете. Читал лекции в Оксфорде, Стокгольме. Был знаком с Марксом и Энгельсом.

12-летняя Лариса

Организовал Высшую социальную школу, для которой из Америки прислали средства, а Брюссельский университет дал школе права на свой докторский диплом. Лекции читались почти на всех европейских языках. Михаил Андреевич решил создать из школы центральный социалистический университет. Школа закрылась из-за партийных разногласий, и в 1906 году Ковалевский уехал в Россию.

В Петербургском университете Ковалевский и Рейснер будут коллегами, но не единомышленниками. Ковалевский придерживался идеи эволюции, которая заключалась в по-

степенном усовершенствовании общественных учреждений. Прогресс он видел в росте социальной солидарности, но активно противопоставлял себя марксизму. Классовую борьбу рассматривал как признак незрелости того или иного строя и отводил немалую роль психологическим и биологическим факторам в жизни общества.

В апреле 1906 года Рейснеры вернулись из Парижа в Берлин. Ещё в 1905-м Михаил Андреевич подавал прошение в Министерство народного просвещения с просьбой открыть курс лекций в Петербургском университете, но выехать в Россию все не удавалось. “Хотелось домой, учить детей дышать своим воздухом. Мы до того дошли, что ходили по вечерам на вокзал смотреть поезда, отходившие в Россию. Кондуктора кричали нагло, по огромным колесам стекало масло, пар взлетал горячим воздухом и уходил под сумрачное черное стекло крыши облаком какой-то идиотской надежды”, – вспоминает в автобиографическом романе мать Ларисы. “Идиотская надежда” вскоре сбудется благодаря амнистии.

А пока Лариса “прыгает с парты на парту”, как писал о дочери отец. В немецкой школе, где она училась, при хорошей успеваемости и поведении учеников сажали на первые парты, при плохом – на последние.

Один из знакомых Михаила Андреевича вспоминал: “Да неужели это та, бойкая, правда, маленькая девочка, которая провожала нас с сыном в Берлине до трамвая? Положим, и

тогда она поразила нас своей самостоятельностью. Как можно было поручать такое ответственное дело, как проводы с переходом через улицу, такому ребенку. И вдруг – взрослая девица, красавица, смелая, эффектная...”»⁷

В начале 1907 г. была объявлена амнистия политическим эмигрантам. В мае Михаилу Андреевичу Рейснеру, согласно его прошению, пришло разрешение от попечителя учебного округа на чтение лекций в Петербургском университете и зачисление его на кафедру истории, философии, права приват-доцентом. Разрешение пришло по адресу: Троицкая улица, д. 38, кв. 15. Может быть, на этой улице было родственное гнездо Рейснеров? Недалеко, на Чернышёвой площади, находилась 6-я гимназия при Министерстве народного образования, которую окончил Миша Рейснер. Поскольку в этом же доме в XIX веке жил Антон Рубинштейн, то улицу в 1920-х годах переименуют в улицу Рубинштейна.

Михаил Рейснер привёз семью из Берлина не в Петербург, а сначала поселил на даче на северном берегу Финского залива.

Августейшая фамилия и аристократия Петербурга с начала XVIII века селились на южном берегу Финского залива. На северном же берегу первые особняки (дачи) стали появляться в середине XIX века. Там селились дворяне попроще, купцы и интеллигенция.

⁷ Пржиборовская Г.А. Лариса Рейснер. С. 40–41.

Лариса и Игорь Рейснеры провели лето на берегу Финского залива, там, где в него впадает Чёрная речка, Ваммельйоки, у деревни Ваммельсуу (ныне посёлок Серово). «Это место на Карельском перешейке одно из самых красивых. От Ушково до Чёрной речки вдоль залива рядом с Зеленогорским шоссе тянется длинная гора, вся поросшая деревьями. Недалеко от Чёрной речки гора выходит к шоссе и открывается песчаным карьером. Если бежать вниз по песчаным склонам к заливу, возникает состояние полёта. Петербуржцы в начале XX века называли эту местность “Финляндской Ривьерой”, но чаще – “Чёрной речкой”»⁸.

26 ноября 1894 г. открылась частная железная дорога из Петербурга до Сестрорецка. Это ещё больше стимулировало строительство богатых дач на северном побережье Финского залива. В сезон пассажирские поезда ходили с интервалами 15–30 минут.

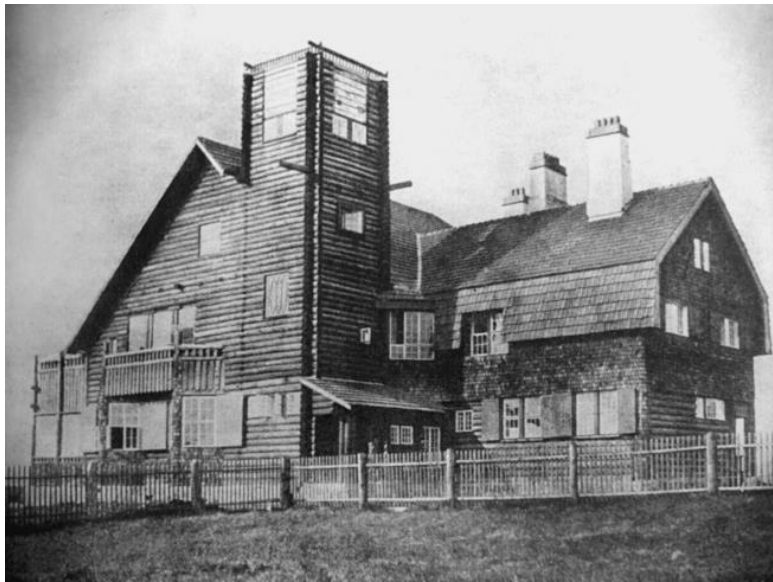
В дачах на Чёрной речке селились купцы и интеллигенция. Среди них были писатели и публицисты Леонид Андреев, Павел Милюков, Георгий Чулков, композитор Александр Серов. В устье Чёрной речки находилась дача Александра Бенуа. На одной из дач (выяснить точно на какой автору не удалось) летом 1908 г. и жило семейство Рейснеров. Здесь Михаил Андреевич подружился с Леонидом Андреевым. В

⁸ Пржиборовская Г.А. Лариса Рейснер. С. 41.

1909 г. выйдет книга Рейснера «Леонид Андреев и его социальная идеология. Опыт социологической критики».

В 1908 или 1909 г. Леонид Николаевич пригласит семью Рейснера пожить у него на даче в финской деревне Ваммельсуу.

Дом на Чёрной речке Андреев начал строить ещё в 1906 г. по проекту архитектора Андрея Оля по рисункам самого Андреева. С весны 1908 г. по 1919 г. Леонид Андреев с семьей будет жить в этом доме постоянно. Его и похоронят в 1919 г. на местном кладбище, а в 1956 г. его прах перенесут на «Литераторские мостки» Волкова кладбища в Ленинграде.

Дом Леонида Андреева в деревне Ваммельсуу

Летом 1907 г. на Чёрной речке Рейснер познакомился с Владимиром Львовичем Бурцевым. Известный разоблачитель полицейских агентов, человек с довольно пёстрой биографией.

Бурцев с 1906 г., «используя контакты с информаторами-чиновниками политической полиции», стал специализироваться «на разоблачении провокаторов, внедрённых охранкой в революционные партии, прежде всего в партию эсеров». Он опубликовал в своем сборнике «Былое» список

под названием «Шпионы, предатели, провокаторы», среди которых были названы агенты охраны Евно Азеф, Аркадий Гартинг (Геккельман), Зинаида Гернгросс-Жученко и другие.

После разоблачения суперпровокатора Азефа Бурцев стал героем дня. Его имя не сходило со страниц эмигрантских газет, которые именовали Владимира Львовича «Шерлоком Холмсом русской революции». В Париже он считался главным специалистом по провокаторам.

Летом 1907 г. Владимир Бурцев показывал Корнею Чуковскому секретный ящик, где хранился документ о том, что Михаил Рейснер причастен к тайной службе доносительства. До Михаила Андреевича эта сплетня, идущая от его «друга», дойдёт только через два года. Тогда слухами о различных разоблачениях многих достойных людей никого было не удивить.

Андреев писал Горькому: «Ещё один признак, по которому можно узнать не уважающего людей: это та лёгкость, с какою клеймят, грозят, казнят человека. Уважение в том и заключается, что всякий человек по презумпции считается хорошим, и нужно обратное доказывать. И наоборот, человек заранее считается способным на всякую мерзость, и что бы о нем ни сказали, в чём бы его ни обвинили, всему дается лёгкая, дешёвая вера. В дальнейшем развитии своем это приводит к выискиванию в человеке для всех его действий самого гнусного мотива».

Александр Блок летом 1907 г. писал Александру Белому: «Когда один человек думает о другом – он свободен, когда же об этом другом уже “перемигнутся двое” – дело кончено, затравлен человек, и от травли увеличатся его пороки и ещё уменьшатся его добродетели».

Владимир Бурцев вскоре уехал за границу.

Михаил Рейснер, узнав, что о нём ходят такие слухи, в декабре 1909 г. потребовал от Владимира Львовича объяснений. Бурцев ответил из Парижа: «Я ровно ничего сам не нашёл, что бы подкрепляло эти слухи, но я слишком хорошо отношусь к вам, чтобы ответить экивоками. Скажу всё, что мне передали. 1-й источник – очень-очень компетентный человек, говорит, что в Департаменте полиции в 1904 или в 1905 году получено заявление от вас с предложением услуг. 2-й источник – вне сомнения относительно достоверности утверждает, что то же самое слышали от видного охранника. Оба источника совершенно независимы друг от друга. Понять этих известий я не могу, но умолчать о них тоже не могу. Разберитесь в них вы».

Для семьи Рейснеров начались тяжёлые дни. «Я оказался на положении подсудимого в каком-то дореформенном тайном трибунале, где от обвиняемого прячут свидетелей и не предъявляют никаких доказательств – не оправдывают и не обвиняют, но налагают на него позорное клеймо. И это клеймо на основании ваших источников вы наложили на меня, профессора, руководителя юношества, человека, который по

самому своему характеру питает отвращение ко всякой лжи и притворству, связанным с политической конспирацией», — писал Михаил Андреевич Бурцеву.

«Мне странно слышать этот упрёк... — отвечал тот. — Вы говорите, что мои источники не заслуживают внимания, что они — клеветники, но за 4 года борьбы у меня не было ни одной ошибки, а я за это время решил ряд невероятных задач. <..> Пора перестать легкомысленно относиться к такого рода сведениям». «Мне стыдно, Львович, за вас как за друга, — писала Екатерина Рейснер, — и потому Бурцев-друг умер для меня навсегда. Остался единственно Бурцев-следователь, но будет время, и я публично скажу, что он такой же плохой следователь, как и друг».

Всё это не помешало Бурцеву с гордостью заявить: «По поводу слухов о Михаиле Андреевиче я действую как революционер». Патетика всегда была в стиле Владимира Львовича. Он настолько не сомневался в своих источниках, что с лёгкостью распространял клевету о Рейснере редакторам всей радикальной прессы в Нью-Йорке, хвастая тем, что в портфеле у него лежат документы, доказывающие связь профессора с Департаментом полиции.

Когда доведенный до отчаяния Рейснер добился, наконец, от Бурцева признания того, что одним из его компетентных источников был начальник Особого отдела Департамента полиции Меншиков, и обратился с письмом к последнему, то в декабре 1912 г. получил ответ: «Я предупредил Бурцева, т. к.

сведения [о Рейснере] слишком неопределённые и основываются на разговорах, которые свидетели-охранники едва ли захотят подтвердить. То, сообщенное мною, ни в коем случае не подлежит оглашению. Помимо моей воли и без моего участия эти сведения сделались известны другим лицам и даже попали в искаженном виде в печать. Несомненно, что если бы три года назад я знал Бурцева так, как знаю его теперь, то никаких сведений я бы не дал ему вообще».

В середине августа 1907 г. семейство Рейснеров переезжает в Петербург. Михаил Андреевич снял квартиру на Петроградской стороне, на Большой Зелениной улице, дом 28.

Этот дом, где Рейснеры прожили с 1907 г. по 1918 г., построен в 1904–1905 гг. по проекту архитектора Фёдора Фёдоровича фон Постельса для герцога Николая Николаевича Лейхтенбергского (1873–1960). Дом считается одним из лучших зданий в стиле декоративного модерна, его украшением являются уникальные мозаичные панно.

Дом герцога Н.Н. Лейхтенбергского на Большой Зелени-

ной улице, где жила семья Рейснеров в 1907–1918 гг. Петербург

Из удобств в этом доходном доме имелись водопровод и телефон. В те годы в Петербурге в 60 квартирах из 100 водопровод был. А вот электричество имелось тогда только на центральных улицах и появилось на Петроградской стороне только в 1916 г.

Семейство Рейснеров занимало четыре комнаты. Ещё в 1970-х годах старожилы называли квартиру 42, где Рейснеры прожили почти 11 лет, «профессорской». Детская, спальня родителей, кабинет М.А. Рейснера и самая большая комната – гостиная. Стоила такая квартира на пятом этаже около 500 рублей в год, что могли позволить себе лишь богатые жители Петербурга.

15 августа 1907 г. Лариса Рейснер пошла в гимназию, расположенную на Васильевском острове близ университета. В гимназию Лариса ехала на конке, потом по Большому проспекту – в первой очереди пущенного трамвая – на Васильевский остров.

Лариса оставила свои впечатления в автобиографических набросках: «Тучков мост... Жёлтый Биронов замок словно примешивает охру своих квадратных стен к серовато-синему, тоже старинному, петербургскому небу. И здания помнят на этом деревянном мосту рослого Петра, идущего против ветра, наклонив стан, поддерживая треуголку, скрипя баш-

маками с пряжками по хрусткому снегу, к которому пришиваются смолистые стружки новых досок, тоже уже избитых и оскорбленных тугими, тяжёлыми копытами ломовых коней... Когда Ариадна ещё маленькой девочкой бегала от университета в гимназию, ей становилось необычайно весело. Она вскидывала чуб русских волос, ступала прямо, обязательно посередине каменных плит, а иногда, если в ранний час не было прохожих, то, раскинув руки, как воображаемые крылья, с воинственным криком, подражая чайкам, неслась вдоль Невы. Ветер свистел в ушах, отчего её тоненькие ножки танцевали ещё легче».

Лариса с куклой. 1898 г.

О своей жизни в гимназии и дома лучше всех расскажет сама Лариса.

О своём доме:

«Первый этаж: он тёмный и неприличный. Из двери под лестницей выглядывает швейцариха, пахнет спёртым запахом нищеты, невымытых пелёнок и лифта. Во втором брезжила луна. Второй этаж – чиновный. Он уходит на службу в половине девятого, шьёт своим дочкам новые шубы на рождественские прибавки и танцует по субботам под граммофон. В третьем приоткрытая дверь в чью-то прихожую: уходят поздние гости. Здесь недавно умер паралитик, устроила огромный скандал француженка-артистка, немолодая, толстая. У неё сын лгунишка, и на олимпийских играх во дворе его за трусость и фискальство жестоко бьют дворниковы дети.

Ещё выше – старый адмирал в отставке, бедняк, у которого три дочери – незамужние и немолодые девушки – и по субботам поют чудесные дуэты Грига. Скрипка и рояль встречаются и бесплотно любят, пока зелёная весенняя звезда, выйдя из-за крыши, не проплывет узкой полосой неба над провалом сырого, темного, вонючего двора. Григ ликует, и наверху в пятом, в своей комнате, полной книг и особенного запаха детской, который ещё держится в пикейном с розами покрывале постели, в простом и чистом белье подростка, в

занавесках окна, — сидит и плачет в синем бархатном кресле девушка... В комнате рядом проснулся Гога: Ларочка, отчего ты плачешь?.. Гога вспомнил: — У мамы в столовой есть сладкое.

Разве может быть что-нибудь лучше раковин с кремом, если они заперты на ключ, но достаются через верхний ящик, где набросанные друг на друга карточки родственников придают всей аванюре такой солидный и таинственный вид. По коридору идут тихонько мимо маминой спальни и вдоль правой стены. У левой стоят безобразные остовы деревянных рам для сушки занавесок. На них осенью и перед Пасхой натягивают нежные влажные, пахнущие крахмалом и чистотой тюлевые занавески, штопанные в ста местах, купленные за границей ещё до Гогиного рождения...

Есть целый ритуал, строго и добровольно соблюдаемый, в котором принимают участие все — от папы до фокса Бублика. Сперва в кухне появляются огромные чаны, полные горячей воды, и до самого кабинета в течение трёх дней проникает неприятный запах мыльного пара. Мама исчезает на кухне, превращается в ретивую “прач”, дом полон запустения и откликов бурной и фанатичной борьбы с грязью, которую совершенно одна ведёт мужественная прач. Книга, которую ей обычно диктует отец, забрасывается, дети разнузданно наслаждаются свободой, фокс спит в неубранной постели... Второе действие происходит в столовой, в нем участвуют рамы, дети, кнопки, рассыпанные по полу и вонзившиеся

во все подошвы, и, наконец, лестница и на ней профессор, стоящий на вершине с молотком, гвоздиками и карнизом в руках. Утром солнце золотит старые занавески и сквозь их сказочный узор поливает светом и радостью вялую, но любимейшую пальму профессора, постоянно теряющую листья, голую, как перст, и изнуренную частыми поливами и пересадками. Профессор не позволяет, но дети все-таки называют это растение “штык”.

Мальчик зажёг электричество, раковины оказались на месте, были уничтожены, и с первыми синими тенями утра в детской воцарилась тишина... Но прежде, чем настали более отчетливые звуки дня, прежде, чем газетчик хлопнул примёрзшей парадной дверью и оставил на столе, закапанном чернилами, пачку писем и газет, между которыми была повестка из банка на вексель профессору в 300 рублей, – повестка, из-за которой он всю ночь мучился бессонницей, прежде, чем дворник с багровой шеей и замерзшим потом на затылке и груди втащил на самый верх, в прачечную, свою ежедневную нечеловеческую вязанку дров, – Ариадна ещё раз открыла глаза. – Гога! Гога, ты спишь? – Тишина. – Знаешь, там был один поэт, у него такие странные глаза. Он ничего не понял в стихах. Ах, почему мы такие одинокие – и папа, и теперь я? Гога?»

Любопытно, что в своих автобиографических произведениях Лариса ни разу не пишет о любимых игрушках. Правда, в три года её сфотографировали с куклой. Далее девочку

много раз снимали, но нет ни одного фото с игрушкой.

«По вечерам, как вспоминает Д. Лихачев, играли в любимое лото (бочонки с цифрами), в шашки, обсуждали прочитанные книги. Раз в год ездили в Павловск “пошуршать листьями”, перед началом года по традиции посещали “Домик Петра Великого”.

Достоверно известно, что Рейснеры, и большие и маленькие, увлекались лаун-теннисом, площадки для него были рядом на Крестовском острове»⁹.

Лариса любила смотреть ледоход на Неве. Об этом вспоминал поэт Всеволод Рождественский: «Мы сидели на гранитных ступеньках у самой воды и провожали медленно скользившие льдины. Лариса была погружена в глубокую задумчивость. “Смотрите – вот они уплывают на взморье и там растворятся в просторе. И как все похоже на стихи. Но как вы думаете: это дактиль? Или амфибрахий?” – “Дактиль”, – ответил я нерешительно. “Нет, – возразила Лариса. – Если всё это писать стихами, то будет размер с обязательным нарастанием к концу. Вот они напирают на устои мостов, берут их приступом, атакуют, крошатся на куски и все же лезут вперед, и только вперед.

Тут же настоящий ямб...” – “Но ведь задние ряды останавливаются, кружатся на месте?” – “Не это существенно. Важно то, что они в движении, все время в движении. И как это прекрасно...” Мне запомнился этот небольшой диалог,

⁹ Пржиборовская Г.А. Лариса Рейснер. С. 63.

может быть, потому, что уж очень он соответствовал внутреннему облику Ларисы в те юные времена. Она ведь тоже была вся в движении, в поисках и противоречиях. Всякие её “неожиданности”, а их в характере её было немало, вероятно, и составляли её очарование, не говоря уже о том, что она была на редкость красива какой-то северной, балтийской красотой, наделена даром иронии, тонкостью ума и вместе с тем и прелестью самой простой и естественной женственности».

В мае 1908 г. родители решили сменить гимназию для Ларисы. К тому времени в Петербурге насчитывалось 36 женских гимназий, из которых только семь были казёнными. В казённых гимназиях плата за обучение составляла 25–50 рублей, но в классе насчитывалось до 40 человек. В частных гимназиях, появившихся после 1905 г., в классе училось не более 15–20 человек, а плата достигала 200 рублей. Ларису родители определили в частную гимназию Марии Дмитриевны Могиланской, расположенную также на Васильевском острове. Гимназия открылась в январе 1907 г. на Четвёртой линии Васильевского острова, дом 43. Помещение гимназии занимали 3-й – 5-й этажи. В восьми классах гимназии обучались 196 девочек.

Среди преподавателей гимназии стоит отметить преподавателя русского языка Николая Васильевича Балаева. На каждом уроке он обязательно читал наизусть стихи любимых поэтов. А когда читал Блока, призывал вслушиваться в му-

зыкальный строй и ритм поэзии. Самые увлечённые ученики организовывали литературные кружки. Балаев привлекал в них своих учеников из других гимназий. «Уроки русского языка формировали и оттачивали наши вкусы, учили ненавидеть мещанство и всякое проявление пошлости. Литература и искусство стали нашей потребностью», – вспоминал будущий издатель Самуил Мионович Алянский.

«Младшая сестра Михаила Андреевича – Екатерина Андреевна Рейснер рассказывала мне в конце 1960-х годов, что часто видела Ларису девочкой. Однажды Лариса поразила её тем, что в 14-летнем возрасте прочла “Капитал” Маркса. Михаил Андреевич к этому времени уже слыл марксистом среди профессоров, которые все были либералами. Ученица Михаила Андреевича на Бестужевских курсах Лидия Израилевна Розенблюм считала, что именно политическая окраска лекций Рейснера привлекала к нему молодежь. На курсах он читал государственное право. Как хорошую студентку Михаил Андреевич приглашал Лидию домой. Она отметила при первом же визите, что живут они не богато, комнат имеют мало, что Михаил Андреевич не придает этому никакого значения. А вот его жену Екатерину Александровну и скромная обстановка, и самое обычное угощение, которым она потчевала гостей, сильно задевали. Ей хотелось, чтобы её дети – дети баронского рода – жили в роскоши.

Подруга Розенблюм Сусанна Альфонсовна Укше, также студентка юридического факультета Бестужевских курсов,

занималась с Ларой и Игорем иностранными языками. Будучи очень отзывчивым человеком, поддерживала Михаила Андреевича до его смерти в 1928 году. Участвовала в издании двухтомного собрания сочинений Ларисы Рейснер (1928). Погибла она во время репрессий 1937 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.